

Что за бред про то, будто Ван Цзыфэн, приближаясь к тридцатилетию, до сих пор не женился вовсе не из-за мужской немоши и не из-за того, что не встретил милой сердцу девушки, а потому, что его привлекают мужчины — потому что он ещё не нашёл того самого человека, способного заставить его сердце биться чаще?!

Сердце Тан Шэня бешено заколотилось. В горле пересохло, губы обуглились от сухости — внезапная догадка потрясла его до самой глубины души.

Полгода назад в управе Ючжоу он сумел убедить Су Вэньюня, что Ван Чжэнь — вовсе не Страсть Лунъян. Однако Су Вэньюн и не подозревал, что тогда Тан Шэнь и сам поддался этим убеждениям.

Тан Шэнь зажмурился, пытаясь выбросить эти мысли из головы. Но стоит прикрыть глаза — и перед взором тут же вставал Ван Цзыфэн.

Он поднёс к губам пиалу с отрезвляющим отваром и осушил её одним махом. Но опьянение лишь усилилось: голова отяжелела, мысли путались, а сон так и не приходил.

И снова он пролежал без сна до самого рассвета.

На следующий день после утренней аудиенции Тан Шэнь отслужил лишь полдня, после чего отпросился домой отдохнуть.

Во время аудиенции он лишь издали мельком взглянул на Ван Чжэня. Ныне они служили в разных ведомствах, так что пересекались редко. Главное — избегать случайных встреч во дворце, и всё выглядело совершенно обыденно. Ван Чжэнь держался как ни в чём не бывало, без малейших изменений в поведении — судя по всему, он и не подозревал, что Тан Шэнь подслушал вчерашний разговор.

Так он скрывался два дня, пока в середине десятой луны не получил письмо из управы Гусу.

Писал его старший дядя, Цзюйжэнь Тан. Вначале он поздравил Тан Шэня с продвижением по службе, а затем перешёл к новостям семьи Тан. К примеру, Госпожа Тан в прошлом месяце тяжело заболела, но, к счастью, умелитель-врач вернул её к жизни, так что Тан Шэню не о чем было беспокоиться.

Лишь в самом конце Цзюйжэнь Тан прибавил: «В начале девятой луны Его Высочество второй принц прибыл в управу Гусу, заняв должность Оборонительного комиссара Гусу. Градоначальник устроил в его честь пир, и недостойному мне выпала честь оказаться среди гостей. Несколько дней назад в управе Гусу затеяли нечто невиданное — Военно-серебряный банк. Сперва казалось, что к семье Тан это отношения не имеет, однако шестого числа второй принц постановил расширить дело Военно-серебряного банка и призвал всех знатных и богатых горожан Гусу принять участие в надзоре».

Прочтя это, Тан Шэнь немало изумился.

Обыватели не понимали суть Военно-серебряного банка, да и Су Вэньюн с Юй Чаошэном вряд ли могли похвастаться полным знанием дела, однако Тан Шэню всё было прекрасно известно. Два года назад влиятельные вельможи пытались провести реформу «замена монет бумажными деньгами», прикрываясь Финансовым приказом, но потерпели сокрушительный провал. Нынешний Приказ серебряных ассигнаций — а точнее, Военно-серебряный банк — служил лишь новым прикрытием для той же самой замены монет бумажными деньгами.

Военно-серебряный банк развивался предельно гладко, и все чиновники, связанные с Приказом серебряных ассигнаций, включая Ван Чжэня и Тан Шэня, удостоились императорской похвалы. Следующим шагом в работе Военно-серебряного банка должно было стать фактическое введение в оборот заменяющих монеты бумажных денег. Меру и размах удерживал в руках Ван Чжэнь — он сам найдёт наилучшую возможность, выберет подходящее время и место для запуска реформы.

Но с чего бы второму принцу Чжао Шану вдруг вмешиваться в дела Военно-серебряного банка?

Тан Шэнь ломал голову над этим вопросом. Спустя пару дней, узнав, что двое других принцев тоже рвутся проявить себя на службе в провинциях и заработать заслуги, он осенённо всё понял: Чжао Шан вряд ли понимал подлинное назначение Военно-серебряного банка. Принцу просто требовались громкие успехи, чтобы Чжао Фу возвысил его над братьями, и его выбор случайно пал на Военно-серебряный банк.

Дело это было и не великим, и не ничтожным.

В конце концов, Чжао Шан являлся августейшим сыном, а не просто скромным Оборонительным комиссаром Гусу. Захоти он вмешаться в дела Военно-серебряного банка, вряд ли кто-то осмелился бы встать у него на пути. И если принц натворит глупостей, урон не ограничится его собственными притязаниями на престол — замысел, который Ван Цзыфэн выстраивал целых два года, рухнет в один миг.

Тан Шэнь понимал, что об этом следует известить Ван Чжэня, дабы тот успел принять меры. Но встретиться с Ван Чжэнем лицом к лицу он не отважился: он не мог ответить старшему шисюну отказом, но и принять подобные чувства был не в силах.

Мучительно размышляя, Тан Шэнь наконец нашёл выход.

Наведя справки, он узнал, что в один из дней Чжао Фу призвал Ван Чжэня во дворец. Закончив службу, Тан Шэнь поспешил к нему в поместье, пока хозяин ещё не вернулся.

Управляющий поклонился:

— Господин Тан, наш господин ещё не вернулся. Пройдите, пожалуйста, в гостиную, подождите там.

Тан Шэнь нередко навещался в Резиденцию министра, чтобы повидаться с Ван Чжэнем — зачастую шисюны просто вместе обедали. Дома их находились по соседству, так что ходить друг к другу было проще простого. Случаи, когда Тан Шэнь приходил раньше хозяина, происходили регулярно, поэтому управляющий не придавал этому значения и привычно повёл гостя во двор.

Однако на этот раз Тан Шэнь колебался:

— У меня сегодня ещё есть дела. Раз шисюн не вернулся, не стану беспокоить. Передайте ему, пожалуйста, вот это письмо.

Управляющий замешкался, но письмо принял.

Спустя полчаса Ван Чжэнь вернулся и узнал, что Тан Шэнь приходил, но не стал заходить в дом. Вскинув бровь, он распечатал послание. Прочтя иносказательное предупреждение Тан Шэня о том, что второй принц приглядывается к Военно-серебряному банку в управе Гусу, Ван

Чжэнь замер. Он долго не отрываясь смотрел на бумагу, не роняя ни слова.

Наконец он вздохнул:

— Он сделал это намеренно.

Стоявший рядом управляющий растерялся.

Ван Чжэнь спросил:

— В чём он был сегодня, когда приходил? В чиновничьем платье или в обычном?

— В чиновничьем платье, — ответил управляющий.

— Вот видишь. Захоти он действительно нанести визит, разве явился бы прямо при чине? Он с самого начала не собирался задерживаться — лишь передать письмо. Он заранее знал, что меня не окажется дома, и потому приготовил послание ещё до прихода. — Ван Чжэнь запнулся и резко поднялся с места, удивлённо воскликнув: — Подобный важный вопрос он не стал бы доверять обычной записке! Даже когда он избегал меня, в столь серьёзном деле он понимал бы важность момента и не поступил бы так небрежно!

Мечась по зале, Ван Чжэнь произнёс убеждённо:

— Он точно всё понял! Больше никаких сомнений и догадок — он уверен на все сто. Но с чего вдруг такая уверенность?

Лишь спустя длительное время Ван Чжэнь горько ухмыльнулся:

— Так значит... той ночью он всё слышал!

На следующий день Тан Шэнь, вернувшись со службы, ужинал вместе с Тан Хуан, как вдруг в комнату вбежал Фэнби:

— Молодой господин, пришёл господин Ван!

Палочки Тан Шэня со звонким стуком упали на стол:

— Какой ещё господин Ван?!

Фэнби недоумённо посмотрел на него:

— Господин Ван Чжэнь!

— Скажи, что я заболел и не могу принимать гостей! — выпалил Тан Шэнь, а затем скороговоркой пробормотал про себя: — Нет, Ван Цзыфэна не проведёшь, он сам кого угодно вокруг пальца обведёт! Чтобы обмануть его, нужно сначала поверить самому. Я правда болен! Очень тяжело болен, едва могу подняться с постели...

Не успело затихнуть эхо его слов, как Тан Шэнь выскочил из залы и устремился к себе. Пробежав полпути, он развернулся и бросился назад:

— Тан Хуан, где твои румяна?

Тан Хуан, ошеломлённая этой внезапной суетой, лишь через пару мгновений пробормотала:

— В... в моей комнате?..

— Одолжи мне!

— А?!

Со всех ног Тан Шэнь помчался в спальню сестры, схватил из шкатулки баночку румян, после чего вихрем влетел к себе, запрыгнул на кровать и накрылся одеялом.

За воротами Ван Цзыфэн, облачённый в темно-красное чиновничье платье, спокойно поджидал, опираясь на паланкин. В руках он держал шёлковый веер, неспешно похлопывая им по ладони с утончённым и исполненным достоинства видом.

Фэнби выбежал наружу и доложил:

— Господин Ван, мой хозяин слёг с болезнью и не может вас принять.

Ван Чжэнь изобразил глубокое беспокойство:

— Младший шисюн заболел? В таком случае я тем более должен проведать его. Веди.

Фэнби собирался возразить, но, встретившись взглядом с мягкой, безупречно-спокойной улыбкой господина Вана, тут же проглотил слова и покорно пошёл вперёд.

«Молодой господин, это не Фэнби бесполезный — на моём месте так поступил бы каждый!»

Проведя Ван Чжэня к спальне Тан Шэня, слуга остановился у дверей.

К счастью, мальчишка-слуга проявил сообразительность: хоть он и уступил давящей власти Ван Цзыфэна, не осмелившись отказывать, у самых дверей он всё же постучал, предупреждая Тан Шэня:

— Господин, пришёл господин Ван. Я вхожу.

Ступив за порог и распахнув створку, они впустили внутрь сноп солнечного света — а навстречу им вырвались густые клубы благовонного дыма. В комнате курилось много воскового дерева, от которого легко поднимался белёсый туман. Фэнби остолбенел: ещё четверть часа назад здесь ничего подобного не было, откуда же взялось столько дыма?! Что же такое вытворяет хозяин?

Тан Шэнь, лежавший на кровати, надрывно закашлялся:

— Входите.

Фэнби отдал поклон и отступил, пропуская Ван Чжэня.

Ван Чжэнь остановился на пороге. Окинув взглядом заполненную дымом комнату, он сперва тихо ухмыльнулся, а затем переступил порог.